

ДА-ФОРМЫ В СЛАВЯНСКИХ ИДИОМАХ АЛБАНИИ. К ТИПОЛОГИИ АЛБАНСКО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Славянская речь Албании в настоящее время существует в виде языковых идиомов разной степени сохранности, находящихся в разной языковой ситуации. Особенности ее конфигурации заданы разным распределением следующих исходных элементов и параметров:

Элементы

1. *Территориальные славянские диалекты Албании*, как правило, являются основой, на которой формируются славянские идиомы Албании: в идеальном случае регистрируемый идиом является идиолектом территориального диалекта, а его носитель не владеет никакими другими языками и диалектами. Именно территориальные славянские диалекты Албании традиционно привлекают основное внимание исследователей. В основном эти диалекты носят периферийный характер для соответствующих ареалов, находящихся на территории сопредельных государств. Так, диалект района Враки¹ продолжает зетско-ловченский ареал (хотя и имеет сильно смешанный характер из-за множественных миграций — ср. [Steinke, Ylli 2013: 24]); диалект в албанской части района Гьры является переходным между ареалами Дебар-Реки и Горни-Полога, с одной стороны, и Призрен-Средски — с другой [Видоески 1998: 349], входя в более широкий пояс призренско-тимокских диалектов; районы Голоборда и Поле продолжают дебарские диалекты

¹ Используются традиционные названия районов Албании, где есть славянское население. Они не совпадают с современным административным делением страны.

Максим Максимович Макарецев,
Институт славяноведения РАН (Москва) / Institut für Slavistik, Carl von
Ossietzky Universität (Oldenburg)

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект №18-012-00607 А «Корпусные и полевые исследования сентенциальных дополнений в балканских языках и диалектах»)

([Видоески 1998: 339, 341], о Голоборде см. также [Соболев, Новик 2013]); диалекты западного и южного берега Охридского озера (Лин, Тушемишт, Пешкэпия) входят в охридско-стружский ареал [Видоески 1998: 341–344]; диалект в албанской части района Преспы входит в более широкий преспанский ареал [Конески 1957]; в Вэрнике тот же самый диалект, что и в районе Корестиа на территории Греции [Видоески 1998: 347]². Самым крупным сводным описанием славянских диалектов Албании последнего времени является четырехтомная монография К. Штайнке и Дж. Юллы [Steinke, Ylli 2007; 2008; 2012; 2013], куда включена также подробная библиография вопроса. Кроме того, на территории Албании есть три островных славянских диалекта. Два из них переселенческие: в селах Боракай и Коджас живут переселенцы из района Мостара (сюда они попали в результате *мухаджирских* переселений из Боснии в конце XIX в. [Steinke, Ylli 2013: 137]; отсюда и самоназвание *madžiri* [ПМА: Макарцев: 2012, Боракай]), диалектной области, переходной между екавским и икавским штокавскими ареалами; а в районе Фиера (как в самом городе Фиер, так и в окрестных селах Рет-Либофша, Петова, Дерменас, Хамиль) живут переселенцы из района Нови-Пазара (по местному преданию, с 1924 г., при переселении они несколько лет провели в долине Эльбасана), исходный диалект которых принадлежит к новипазарско-сеничскому ареалу (см. [Barjaktarević 1966]). В селах Бобоштица и Дренова³ неподалеку от Корчи существует славянский языковой остров, который структурно относится к юго-восточным македонским диалектам, хотя и имеет ряд уникальных особенностей, среди которых как архаические черты, так и инновации, вызванные долговременным контактом с албанским языком. О диалекте Бобоштицы, помимо классических монографий [Mazon 1936; Mazon, Bajrova 1965], см. [Steinke, Ylli 2007; Makartsev (in print)²; Макарцев 2013].

2. *Стандартные славянские языки.* В настоящее время единственным регионом Албании, где возможно обучение на славянском языке в государственных школах, является Преспа (по данным на 2015 г., 8 школ в Преспе были македоноязычными — [Nada 2015: 75]). Обучение македонскому языку на курсах в Корче, сербскому языку в регионе Фиера и боснийскому в с. Боракай — частная инициатива,

² См. также последнюю по времени публикацию по диалекту с. Дреновы региона Корестиа [Koroloff 2015].

³ В настоящее время в Бобоштице осталось всего трое носителей диалекта, знающие его достаточно фрагментарно; Ильо Кунешка (1925 г.р.), у которого диалект был наиболее сохранным, умер в январе 2017 г. В настоящей работе использованы записи, которые я сделал с ним в 2010–2014 гг. Трое носителей диалекта из Дреновы — два брата (1922 и 1929 г.р.) и сестра (1927 г.р.) — в настоящее время живут в городе Корча.

поддерживаемая местными сообществами, и она не входит в школьную систему. Существует нерегулярно выходящая пресса на македонском языке (газета «Преспа», журнал «Илинден»), но, как правило, она доступна только через соответствующие политические и культурные организации, а в свободной продаже не появляется. В пограничных районах доступны также радио- и телеканалы (во Враке — черногорские, в Горе, Голоборде и Преспе — македонские)⁴. Это привело к тому, что, за исключением Преспы, влияние славянских литературных языков достаточно ограничено. Кроме того, принадлежность славянских сообществ Албании оспаривается в академическом и политическом дискурсе: двумя основными оппозициями здесь являются болгарский vs. македонский (Бобоштица, Вэрник, Голоборда, Поле, Преспа) и боснийский vs. сербский (Боракай, Врака, Фиер). Наиболее сложная ситуация в Горе: ее диалект принадлежит к переходной зоне между сербским и македонским, обе диалектологические традиции включают его в свою диасистему. Существенно, что в настоящее время Гора разделена государственными границами на три части: 18 сёл находятся в Косове, девять — в Албании, два — в Македонии. Для косовских горанских сёл длительное время в качестве *Dachsprache* выступал сербскохорватский, а в настоящее время конкурируют сербский (через систему сербских школ Косова, подчиненную Белграду) и боснийский (в школах, находящихся в системе частично признанной Республики Косово), и ведутся попытки кодификации горанского литературного языка ([Номати 2015]). В то же время, македонские диалектологи традиционно включают Гору в македонский диалектный ареал, а болгарские — в болгарский, что дает горанцам четыре конкурирующих стандартных языка (и один малый литературный язык, находящийся в процессе кодификации). Хотя на территории албанской части Горы преподавание ведется только на албанском языке, благодаря географической близости и фактическому упразднению границ (пересечение албанско-косовской границы максимально облегчено, причем местные жители также активно пользуются нелегальными переходами), горанцы с албанской стороны знают о существующих оппозициях стандартных языков и также могут ориентироваться на тот или иной стандарт⁵ (подробнее о языковой ситуации у славян Албании по со-

⁴ Внутри страны доступны только через Интернет (телевидение также через спутник).

⁵ Сложность ситуации с языком и идентичностью в регионе нашла свое отражение в ежегодном отчете албанского уполномоченного по правам человека (*Avokatit i popullit*) за 2014 г., где упоминается, что по албанскому законодательству горанцы (*goranët*) имеют статус «сообщества» (*komunitet*), хотя на самом деле в отличие от соседнего Косова, такого статуса у них нет: в албанских официальных документах и официальном дискурсе в качестве «сообществ» упоминаются только египтяне и бошняки ([Raporti 2014: 89] и далее).

стоянию на середину 2016 г. и до принятия последнего закона о меньшинствах см. [Korhonen, Makartsev, Petruševska & Spasov 2016]). Стандартные славянские языки в рассматриваемых сообществах не носят характер основного средства общения, а служат в качестве вектора ориентации. В речи носителей славянских идиомов Албании стандартные славянские языки часто представлены через набор языковых маркеров, которые выступают как акты идентичности и указывают на политическую ориентацию говорящего (перформанс), в то время как речевая практика определяется в первую очередь территориальным славянским диалектом и может иметь характер смешанной речи (основанной на территориальном диалекте с добавлением элементов стандартных языков и других диалектов)⁶. В то же время, окончательный облик языковой практики у каждого говорящего определяется его личной языковой историей (наличие/отсутствие длительного контакта с носителями других славянских идиомов Албании или носителями стандартных языков). Влияние стандартных славянских языков может принимать достаточно причудливые формы, так, в функционировании л-форм в речи Ильо Кунешки (Бобоштица) прослеживается влияние чешского литературного языка (Ильо получил высшее образование в Карловом университете в Праге — [Макарцев 2013]).

3. *Территориальные варианты албанского языка.* Албанские крупные диалектные ареалы имеют ряд ярких особенностей на всех уровнях языка. Основным является деление север/юг, т.е. на гегскую и тоскскую диалектные области. С гегскими диалектами контактируют славянские диалекты Боракая, Враки, Горы, Голоборды и Поля, а также переселенцы в Дурресе, Тиране и Эльбасане. С тоскскими — диалекты западного и южного берега Охридского озера, Бобоштицы и Дреновы, Вэрника и Фиера.

Параметры

1. *Степень сохранности славянского идиома* определяется через возможность коммуникации на нем. По этому параметру можно определить три группы говорящих: монолингвальные носители территориального славянского диалекта, билингвальные носители территориального славянского диалекта и одной из форм албанского языка (стандарт или территориальный диалект), эритажные говорящие (для которых семейным языком первых лет жизни был территориальный славянский диалект, но социализация проходила уже на одной из форм албанского языка), которые в основном используют одну из форм ал-

⁶ См. [Макарцев 2017; Makartsev (in print)¹].

банского языка, но могут ограниченно общаться на территориальном славянском диалекте.

2. *Место проживания* (город/село). В селе славянские идиомы наиболее сохранны и используются в коммуникации в долговременной перспективе, в то время как в таких городах, как Дуррес, Корча, Тирана и Эльбасан уже второе поколение переселенцев (первое, выросшее в городе) использует славянские идиомы ограниченно (обычно для коммуникации в семье и с друзьями). В то же время, в отличие от сельских сообществ, городские сообщества славян Албании вступают в контакты друг с другом, что потенциально может оказывать влияние на их языковую практику.

Перечисленные элементы и параметры определяют языковой профиль говорящего, представляющий собой, таким образом, уникальную конструкцию из неуникальных элементов (если перефразировать известное высказывание Т. В. Цивьян о балканской модели мира). Поэтому, если учитывать только ареальное распределение элементов, значительная часть важных феноменов просто выпадает из поля зрения, иными словами, при изучении славянских идиомов Албании диахрония отступает на второй план⁷, а на первый план выходит типология языкового взаимодействия. Для иллюстрации этого тезиса в настоящей работе описываются особенности структуры *да*-форм в диалекте Бобоштицы на материале речи двух говорящих, которые различаются особенностями освоения диалекта и степенью его владения. Исследование основано как на записях интервью (монологи и диалоги), так и на экспериментальном анкетировании, проведенном с одним из носителей диалекта Бобоштицы⁸.

Да-формы в албанском языке

Формы балканских языков, включающие в себя элемент, который В. Фридман предлагал называть «дентальным модальным субординатором» (Dental Modal Subordinator — [Friedman 1986])⁹, представляют собой удобный материал для анализа языковых контактов. С одной

⁷ Что вовсе не значит, что ей следовало бы пренебречь — без учета того, какой территориальный диалект лежит в основе рассматриваемого идиома, его описание будет далеко не полным.

⁸ Анкетирование проведено в рамках проекта по комплементации в славянских идиомах Албании, материалы которого готовятся к печати [Markartev (in print)²].

⁹ Обращая внимание на то, что в албанском, греческом, румынском и балканославянских языках (а также в цыганском) эта грамматическая частица (*da, na, sa, te, te...*) состоит из кластера CV, в котором согласная является или зубной, или нёбной. При глоссировании в настоящей статье будет использоваться помета Agr(ement). Во всех случаях перевод мой.

стороны, они легко отождествляются (по У. Вайнрайху) говорящими в разных языках (на это влияет как фонетическое сходство, так и структурная близость). С другой — албанский и балканославянский морфосинтаксис этих форм при всем сходстве различаются достаточно сильно, чтобы можно было увидеть, как именно балканославянские формы структурно изменяются под албанским влиянием. Далее предлагается конспективное описание албанской системы форм с дентальным модальным оператором *të* и некоторых других похожих форм (без претензии на полноту описания, внимание будет обращаться прежде всего на те элементы, которые отличают албанскую систему от балканославянской).

1 *Po fillo-n*

CONT начинать-ся-PRES.3Sg

të mos më pëlqe-jë

AGR NEG DAT.1Sg нравиться-PRES.CONJ.3Sg

kjo dhomë dhe kjo

эта.FEM комната и эта.FEM

kohë e keqe

погода AGR плохая.FEM

‘Мне перестает нравиться эта комната и эта плохая погода’

[Gramatika 2002: 185].

Дентальный модальный субординатор в албанском имеет вид *të* (иногда *t'*, когда он агглютинирует с клитиками). Глагол в сфере действия *të* обычно ставится в конъюнктиве, который албанская академическая грамматика называет *mënyra lidhore* «связывающее наклонение». Большинство его форм совпадает с формами изъявительного наклонения. В настоящем времени второе и третье лицо ед.ч. имеют особые формы, ср. изъявительное наклонение *ti punon* «ты работаешь», *ai punon* «он работает»¹⁰ vs. *ti fillon të punosh* «ты начинаешь работать», *ai fillon të punojë* «он начинает работать». Кроме того, есть ряд ограничений на формы ТМА, которые могут использоваться в сфере действия *të* (например, не может использоваться будущее время, аорист и т.д.).

Среди основных отличий албанских *të*-форм от балканославянских *da*-форм следующие:

1) Албанский язык сохраняет особый индоевропейский модальный маркер отрицания *mos* — см. пример (1). С изъявительным наклонением используются другие маркеры (например, 1а с «поднятым отрицанием»):

¹⁰ Албанская Praes.2Sg = Praes.3Sg.

- 1a *Nuk po fillo-n*
 NEG CONT начинает-PRES.3Sg
të më pëlqe-jë...
 AGR DAT.1Sg нравиться-PRES.CONJ.3Sg
 ‘Мне не начинает нравиться’.

2) В сфере действия *të* в зависимых модальных и аспектуальных конструкциях может использоваться имперфект (в македонском употребление имперфекта после *да* в главных предложениях возможно в повелительных конструкциях — [Belyavski-Frank 1986: 352] называет это «attenuated, „polite“ imperative»; в пожеланиях — [Kramer 1986: 40]; в неосуществимых директивах — [Там же: 46]; а также в независимых директивных конструкциях с имперфектом типа *A да се јавеше некогаи?* (А как насчет позвонить хотя бы разок)¹¹ — [Tofoska 2015], но не в зависимых модальных и аспектуальных конструкциях [Бужаровска, Митковска 2015]). Он используется (в современной разговорной речи факультативно и наряду с настоящим временем), если предикат, в сфере действия которого находится *të*, стоит в одном из прошедших времен:

- 2 *Djali fillo-i të qesh-te*
 парень.DEF начал-AOR.3Sg AGR смеяться-IMPF.3Sg
në kabin-ën e tij
 в хижине-ACC.DEF AGR его
 ‘Парень начал смеяться в своей хижине’ [Gramatika 2002]¹².

3) В конструкциях цели может факультативно добавляться усиливающее *që* (среди его значений — комплементатор, относительное местоимение и т.д.):

- 3 *Po shko-j në dyqan*
 CONT иду-PRES.1Sg в магазин
(që) të ble-j patate.
që AGR купить-PRES.1Sg картошка.Pl
 ‘Я иду в магазин, чтобы купить картошки’.

Хотя на первый взгляд использование *që* избыточно (в примере 3 видно, что оно не несет с собой никакого дополнительного значения), его редундантное употребление с *të* в конструкциях цели мотивировано контекстами, где оно необходимо для снятия омонимии.

¹¹ Обращение ко второму лицу.

¹² Но допустимо также *Djali filloi të qeshë* (Praes. Conj.3Sg) *në kabinën e tij*.

В стандартном албанском языке (а также в большинстве албанских диалектов, см. [ADGjSH 2007: 376, harta 305]) будущее время выражается по следующей модели: петрифицированная форма *do* ‘хотеть. Pres.2-3Sg’ + конъюнктив (*lidhore*). Это значит, что во втором и третьем лице единственного числа предложения типа «ты/он/она хочешь/т делать что-то» и «ты/он/она будешь/т делать что-то» омонимичны (4а). Для снятия омонимии используются два способа: либо опущение частицы *të* в формах будущего времени (4b), либо добавление *që* после глагола ‘хотеть’ (4с):

4

- a *Ai do të shko-jë atje*
он хочет.PRAES.3Sg Agr пойти-CONJ.PRES.3Sg туда
а) ‘Он пойдет’.
б) ‘Он хочет пойти’.
- b *Ai do shkojë*
он хочет.PRAES.3Sg пойти-CONJ.PRES.3Sg
‘Он пойдет’.
- с *Ai do që të shkojë*
он хочет.PRAES.3Sg что Agr пойти-CONJ.PRES.3Sg
‘Он хочет пойти’.

4) В албанском языке есть ряд конструкций, в которых в сфере действия *të* стоит неизменяемое причастие.

Первая из них — с предлогом *për* ‘для’, выражающая цель (см. подробнее [Buchholz, Fiedler 1987], где она называется «sogenannter Infinitiv»¹³):

- 5 *E mor-ën vesh*
ACC.SG (взяли-AOR.3Pl уxo) = поняли
problem-in e tmerruar
проблему-ACC.DEF AGR ужасающую.PTCP
që duh-ej të zgjidh-nin
что нужно-IMPF.3Sg AGR решить-IMPF.3Pl
për të dalë faqebardhë
за AGR выйти.PTCP с.белым.лицом
‘Они поняли ужасную проблему, которую надо было решить, чтобы остаться с незапятнанной честью’ [Gramatika 2002].

Вторая — с предлогом *me* ‘с’, выражающая второстепенное действие, темпорально предшествующее действию, выраженном в главном

¹³ Албанская академическая грамматика называет эту форму «formë analitike foljore me vlerën e një paskajoreje me funksione sintaksore të kufizuara» («аналитическая глагольная форма, используемая в качестве инфинитива с ограниченными синтаксическими функциями»).

предложении («Ersatz für Temporalsätze der Vorzeitigkeit») — [Buchholz, Fiedler 1987: 183]):

- 6 *Po me të dalë nëbot-ën e madhe,*
 но с AGR выйти.ПТСР в мир-ACC.DEFAGR
 большой.FEM
humb-i kontroll-in e vetë-s
 потерять-AOR.3SG контроль-ACC.DEF AGR себя.
 самого-GEN
 ‘Но выйдя в свет, он потерял контроль над собой’.

О. Буххольц и В. Фидлер выделяют также форму с *një* («Absolutiv II»), по семантике совпадающую с формами типа *me të dalë*: *Një të marrë flakë dhe u bë shrkumb e hi* «Занявшись пламенем, он сгорел дотла» (досл. «он стал угольками и пеплом»). Функционально *të* в таких формах является связующим артиклем (с парадигмой *i/e/të/së*) и его следует трактовать как ономим грамматической частице для введения конъюнктива *të*, но фонетическое совпадение этих двух показателей — один из возможных факторов языкового влияния, который нельзя исключать при анализе. Албанские формы *të* + причастие академическая грамматика интерпретирует как субстантивированные существительные [Gramatika 2002: 82], что позволяет увидеть структурное сходство между албанскими конструкциями с *me* ‘с’ и *një* ‘один’ и македонскими (а также другими балканскими) с эквивалентными показателями. Так, в македонских диалектах описаны формы типа *со отворање* (7), состоящая из предлога *с* и отглагольного существительного, а также *едно влегување* (8), состоящая из числительного *один* и отглагольного существительного:

- 7 *Со отворање-то на врата-та, врева-та нарасна*
 с открытие-DEF на дверь-DEF шум-DEF возрос-AOR
и му се стор-и уште пострашна
 и ему.DAT.MASC.SG REFL показалась-AOR еще
 более.страшный

‘Когда дверь открылась, шум возрос и показался ему еще более страшным’ [МДАБЯ 1997: 100].

- 8 *Едно влегување во двор маж-от со тоар-о коприна,*
 одно вхождение в двор муж-DEF с груз-DEF
 шелк
и дал вик по жена-та да си излез-и да
растоар-ат
 и дал.LPTCP крик по жена-DEF AGR REFL.DAT
 выйти.-PRS.3Sg AGR разгружать-PRS.3Sg (PRS.3Pl?)

‘Войдя во двор с грузом шелка, муж позвал жену, чтобы она вышла разгружать’ [Там же].

Инновации в да-формах в Бобоштице

Славянский диалект Бобоштицы засвидетельствован в большом количестве текстов 1870–1880-х годов (церковные проповеди, переводы из евангелий, официальное письмо), 1930-х годов (фольклорные тексты, частная переписка)¹⁴; а также в публикациях диалектных материалов последних 25 лет. В настоящей работе анализируется материал из речи двух информантов (Ильо Кунешка, 1925–2017, инженер-технолог, образование высшее, закончил Карлов университет в Праге, далее ИК, и Эльпи Манчо, род. в 1937, образование среднее специальное, учительница албанского языка и литературы в школе, далее ЭМ) с привлечением публикаций по диалекту.

В записях А. Мазона да-формы в диалекте выглядят со структурной точки зрения вполне ожидаемым образом (9). Иногда факультативно может добавляться предлог *za* (10–11). В то же время есть примеры, в которых факультативно добавляется усиливающее *ščo* (⁺*umo*, о чём далее):

9 *I toj šleáp-jo fát-i*
и тот слепой-DEF начал-AOR.3Sg

da víč-i

AGR кричать-PRAES.3Sg

‘И слепой начал кричать’ [Mazon 1936: 124; 1880-е, Лк 18: 35–38].

10 *kúpi-j éna niva, i íma-m*
купил-AOR.1Sg одно.FEM поле и имею-PRAES.1Sg

íktíza za da ód-a
нужда за AGR пойду-PRAES.1Sg

da jo víd-a

AGR ee.ACC.FEM.Sg увижу-PRAES.1Sg

‘Я купил поле и мне нужно пойти посмотреть его’ [Mazon 1936: 123; 1880-е, Лк 14: 19].

11 *i kógase priblíz-a toj čoveák-o šleáp,*
и когда REFL приблизился-AOR.3Sg этот человек-DEF
слепой

Rístos go upít-a, i mu réč-e:

Христос его спросил-AOR.3Sg и

ему.DAT.MASC.Sg сказал-AOR.3Sg

«*Ščoijt-iš da ti stór-a?*»

Что хочешь-PRAES.2SgAGR тебе.DAT.2Sg сделаю-
PRAES.1Sg

¹⁴ Опубликовано А. Мазоном и М. Филиповой-Байровой [Mazon 1936; Mazon, Bajrova 1965], библиографию по диалекту см. также в [Steinke, Ylli 2007].

A tojmu rěč-e: «Za da púl-em»
 А он ему.DAT.MASC.Sg сказал-AOR.3Sg за AGR
 вижу-PRAES.1Sg

‘И когда приблизился этот слепой человек, Христос спросил его и сказал ему: „Что ты хочешь, чтобы я сделал с тобой?“ — А тот ему сказал: „Чтобы я прозрел“» [Mazon 1936: 124; 1880-е, Лк 18: 40–41].

В стандартном македонском *за* может использоваться факультативно перед *да* для введения обстоятельства цели, выраженного глаголом (или для введения придаточного цели), обычно после 1) глаголов движения типа *седне* ‘сесть’, *легне* ‘лечь’, *наведе* ‘нагнуться’, *стане* ‘встать’ и т.д.; 2) глаголов со значением «отсутствие движения»: *остане* ‘остаться’, *зстане* ‘остановиться’; 3) глаголов, выражающих движение семантического актора придаточного предложения [Георгиевски 2009: 81 и далее]:

12 *Испрат-и кај лозари-те еден*
 отправил-AOR.3Sg к виноградарям-PL.DEF одного
слуга, за да го прибер-е
 слугу за AGRego.ACC.MASCзабрать-PRAES.1Sg
од нив плод-от
 от них.OBL плод-Def.SG

‘Он отправил к виноградарям одного слугу, чтобы забрать у них плод’. [Георгиевски 2009: 84: македонский перевод Мк 12:2].

Даже если *за* опускается, пример всё равно остается грамматическим:

12а *Испрати кај лозарите еден слуга да го прибере од нив плодот.*

Использование *за* в других контекстах, не связанных с конструкциями цели, возможно только в нескольких диалектных ареалах. Так, в регионах Лангада и Драма (Эгейская Македония) это допустимо также после глагола *може* ‘мочь’:

13 *Ni mo ‘ž-i za da sta ‘n-i*
 Neg может-PRAES.3Sg за AGR произойти-PRAES.3Sg
tas r ‘abuta
 это.FEM дело
 ‘Это не может произойти’ [Геговски 2015: 91],

что рассматривается как «общая для южных македонских диалектов тенденция к объединению показателей субъонктивной комплементации и отношений цели» [Там же]. Область, в которой *за* может использоваться после глаголов желания, образует широкий пояс периферийных западных и южных балканославянских диалектов (Дебар,

Мала-Река, Птолемаида (Кайлар), Дойран, Серес, Разлог — [Там же: 96–97]. Как кажется, Бобоштицу следует включить в зону с широким использованием *za*: не только в конструкциях цели, но и после показателей деонтической модальности (10), и шире — для введения субъективного компонента.

Второй показатель для введения придаточного цели, который мы находим в текстах, записанных А. Мазоном — *ščo da* (перед *da* ставится *ščo*, которое в диалекте и шире в македонском диалектном языке может выступать также как комплементатор и как *relativum generale* и тем самым семантически — но и структурно — сближается с албанским *që*):

14 *vi dáv-am pověľa*
 вам.DAT даю-PRAES.1Sg приказ
ščo da topčí-te nat zmie
 что AGR наступать-PRAES.2Pl на меи.Pl
 ‘Я даю вам приказ наступать на змей’ [Mazon 1936: 124; 1880-е, Лк 10: 19].

15 *Ami kóga da póst-iš,*
 но когда AGR постишься-PRES.2Sg
da bánd-iš izmien gláva i óbráz,
 AGR будешь-PRES.2Sg вымыт.PTCP голова и лицо
ščo da ne se poznáv-aš pret ljudi-ti óti póst-iš
 что AGR NEG REFL узнаваться-PRES.2Sg
 пред людьми-DEF что постишься-PRES.2Sg
 ‘Но когда постишься, пусть у тебя будут вымыты голова и лицо, чтобы люди не видели, что ты постишься’ [Mazon 1936: 131; 1880-е, Мф. 6: 17–18].

При введении придаточного цели (или обстоятельства цели, выраженного глаголом) в диалекте Бобоштицы конструкции с кластерами *za da* и *ščo da* являются синонимическими.

В речи ИК удалось обнаружить только *za da* (в транскриптах, опубликованных в [Steinke, Ylli 2013: 337–347], 11 употреблений, из них абсолютное большинство для введения придаточного цели или обстоятельства цели, выраженного глаголом¹⁵). *Ščo da* он не использует. В то же время, ЭМ предпочитает именно *ščo da*, которое в ее речи

¹⁵ Один пример не очень ясен; по всей видимости, ИК пытался лучше сформулировать свою мысль и несколько раз перестраивался в середине высказывания (на что указывает и более продолжительная пауза после *ščo* и еще одна после *za da*): *na vtórata kniga/támo se piši mnógo/dóbre/ščo//za da/sákale/cúnki tárgnafme mnógo ot tózi//ot//ot otománite* ([Steinke, Ylli 2013: 337], расшифровка уточнена по диску, приложенному к книге).

имеет два варианта: *šo da* и *so da* (они не показывают никакого распределения и являются аллофонетическими реализациями. *Ščo da* ЭМ не использует). В расшифровке ее речи (около 10 000 слов) *za da* встречается только один раз, в то время как *šo da* (16, 18) и *so da* (17) — семь (если исключить примеры с *šo* в функции комплементатора, *relativum generale* и т. д.). Во всех случаях *šo* и *so* являются факультативными элементами и могут быть пропущены без изменения значения (19–20). Они используются в конструкциях со значением цели (придаточные цели и обстоятельства цели, выраженные глаголом), а также для глагольных дополнений после показателей деонтической модальности (19), конструкций, выражающих эмоции (20) и других. Как видно, конструкция *so da* не связана с албанской *me të*, что видно не только по ее структуре (ср. параллелизм конструкций с *për të* и *za da*), но и по значению.

16 *Këlko mnógo rabót-i d'-im-aš paténo,*

Сколько много дел-PL AGR-имеешь-PRES.2Sg
имевший.ПТСР

za pjet minút-i vo telefón

На пять минут-PL в телефон

ím-aš paténo vrjéme,

имеешь-PRES.2Sg имевший.ПТСР время

šo da zborv-iš

что AGR говоришь-PRAES.2Sg

‘Сколько бы у тебя дел ни было, чтобы поговорить по телефону пять минут, у тебя время есть’ [ПМА: Макарец 2010: ЭМ].

17 *Tóko da ésti, bállë-përbállë mu veli-me,*

Только AGR есть.PRES.3Sg лоб.в.лоб (= напротив)ему.DAT
говорим-PRES.3PI

če da se púl'-e. Nje odzádi. Nje na kraj.

что AGR REFL видит-PRES.3Sg NEG сзади NEG с краю

Tóko, bállë-përbállë mu veli-me nie,

но лоб.в.лоб ему.DAT говорим-PRES.3PI мы

so da se púl-i

что AGR REFL видит-PRES.3Sg

‘Но он должен быть *bállë-përbállë* (албанск. ‘напротив’), как мы говорим. Чтобы его можно было видеть. Не сзади. Не с краю. Но *bállë-përbállë* (албанск. ‘напротив’), как мы говорим, чтобы его можно было видеть’ [ПМА: Макарец 2010: ЭМ].

18 *I A. bitís-a daskála-ta séga,*

и А. закончила-AOR.3Sg school-DEF now

zafát-i éno mjésto

start-AOR.3Sg one place
šo da rabót-a
 that AGR work-PRAES.3Sg

‘И А. сейчас закончила учиться, она нашла место для работы’
 [ПМА: Макарцев 2010: ЭМ].

19 *Trjebi (šo) da dojd-a porano.*
 нужно.PRAES.3Sg (что) AGR прийти-PRAES.1Sg
 раньше

‘Мне нужно прийти пораньше’ [Макарцев: Опросник 2016, ЭМ].

20 *Imam straj (šo) da ne panv-i*
 имею.Praes.1Sg страх что AGR NEG упадет-PRAES.3Sg

20a *Kam frikë (që) tË mos bjerë*
 имею.Praes.1Sg страх что AGR NEG упадет.ПТСР

‘Я боюсь, как бы он/а не упал/а’ [Макарцев: Опросник 2016, ЭМ].

Второй ключевой момент, где в речи говорящих возможны значительные расхождения, вызванные албанским влиянием, — это модально-временные ограничения в сфере действия *da* (в придаточном цели или глагольном обстоятельстве цели). Как уже отмечалось выше, если в албанском матричный предикат стоит в одном из прошедших времен, то в зависимой части может употребляться имперфект (см. пример 2). В стандартном македонском употребление имперфекта в зависимой части невозможно (оно допустимо только при независимом употреблении *da* в директивных и указательных конструкциях).

В текстах, опубликованных А. Мазоном, в славянском диалекте Бобоштицы ни в одном случае в сфере действия *da* не зарегистрировано синтетическое прошедшее время (будь то аорист или имперфект). Однако в речи и ИК, и ЭМ употребление имперфекта после *da* становится допустимым и зарегистрировано после глаголов желания (21), в атрибутивных предложениях (22) и под. в случае, если глагол, в сфере действия которого находится *da*-конструкция, стоит в одном из прошедших времен:

21 *náši-jat dǎržáva sáka-še*
 наш-DEF.MASC государство хотело-IMPF.3Sg
da ima-še nékoj dolári
 AGR иметь-IMPF.3SG какие-то.П1 доллары.П1
mu tréb-aše
 ему.DAT.MASC было.нужно-IMPF.3Sg

‘Наше государство хотело доллары, они были ему нужны’
 [Steinke, Ylli 2007: 344: ИК].

22 *ne mje-jme kordhele šo*
 Neg имели-IMPF.1Pl обувь что
da odje-jme vo daskala,
 AGR ходить-IMPF.1Pl в школу
ne mie-jme šo da jed-fejme
 NEG имели-IMPF.1Pl что AGR есть-IMPF.1Pl
 ‘У нас не было обуви, чтобы ходить в школу, у нас не было что
 есть’ [ПМА: Макарец 2010, ЭМ]¹⁶.

В случае ЭМ неполное владение структурой диалекта порождает колебания в спряжении глаголов, которые могут служить основой для выстраивания грамматических оппозиций ad hoc по албанской модели (23а, ср. эквивалентную фразу на корчанском диалекте албанского в 23b):

23
 а *I zborv-i kajn[as]... toko da zborv-e*
 и говорит-PRES.3Sg на.языке.кайнас но AGR
 говорит-PRES(?).3Sg
i jeskej ne go zborv-a
 и я NEG его.Sg говорю.PRES.1Sg
mnogo dobre toko se razberv-ime!
 очень хорошо но REFL понимаем-PRES.1Pl
 ‘И он говорит на языке кайнас¹⁷, только насчет говорить и я
 на нём не очень хорошо говорю, но мы понимаем друг друга!’ [ПМА:
 Макарец 2010, ЭМ].

б *dhe llafos-Ø kajnas... por të llafos-i*
 и говорит-PRES.3sg на.языке.кайнасно AGR говорит-
 CONJ.3sg
as unënik e llafos-Ø...
 ни я NEG Acc.Sg говорю-PRES.1sg

Более того, особенность речи ЭМ состоит в том, что в ней утеряна оппозиция по виду. Глаголы совершенного и несовершенного вида могут использоваться как синонимы без различий в дистрибуции:

24 *Ita da dojd-a / grjed-a sega*
 want.PRAES.1SG AGR come-PRAES.1SG now
 (PFV)/(IPFV)
 ‘Я хочу прийти сейчас’ [ПМА: Макарец 2010, ЭМ].

¹⁶ Следует отметить, что если первое *šo* имеет грамматическую функцию усиления *da*, то второе *šo* вводит дополнение («у них не было что постель»).

¹⁷ Автоним для славянского диалекта Бобоштыцы *kajnas* < *kaj nas* ‘как мы’.

Падение категории вида в речи ЭМ затрагивает все случаи употребления и не зарезервировано исключительно за сферой действия *da*. Даже глаголы с имперфективирующим суффиксом *-v-* в ее речи могут использоваться для точечных событий, ср. предложения, которые она отметила как допустимые и перевела на албанский язык (см. также ошибочное употребление *most* ‘мост’ вместо *rjeka* ‘река’):

25 *Toj pán-a/pánv-a vo most.*
(PFV)/(IPFV)

Ai ra-Ø në lum.

он упал-AOR.3SG в реку

‘Он упал в реку’ [ПМА: Макарец 2016, ЭМ].

26 *Toj tarč-jěše i pán-a/pánv-a.*
(PFV)/(IPFV)

Ay vrapo-nte dhe ra-Ø.

Он бежал-IMPF.3Sg и упал-AOR.3Sg

‘Он бежал и упал’ [ПМА: Макарец 2016, ЭМ].

Если резюмировать сказанное об особенностях *da*-форм в Бобоштице, ИК продолжает использование форм с кластером *za da*, отмеченных для диалекта в конце XIX — начале XX в. (им находится соответствие в албанском языке, но структура в данном случае сильно различается: отглагольное существительное в албанском, личная форма глагола в славянском). ЭМ предпочитает конструкцию с кластером *šo da*, периферийно встречающуюся в ранних записях диалекта и структурно схожую с албанским аналогом. Албанское влияние сказывается и на ИК, и на ЭМ (оба могут факультативно использовать конструкции с имперфектом в сфере действия *da*), но в случае ЭМ оно гораздо более сильно выражено (что проявляется в падении категории вида и в возможности перекомпоновки форм по модели албанского конъюнктива).

Это можно связать с языковым профилем говорящих. ИК говорил на диалекте с детства — так, во втором томе монографии А. Мазона приводится его письмо брату в Париж, написанное на диалекте в 1933 г. — [Mazon, Vajrova 1956], в то время как ЭМ, по ее собственным воспоминаниям, в детстве говорила на албанском (хотя ее и ругали за это в семье), а на славянском диалекте заговорила только в молодости, когда в течение нескольких лет ухаживала за больной матерью. Ее владение диалектом достаточно ограничено, что проявляется в обилии албанских кáлек и широком использовании заимствованных *ad hoc* слов. Таким образом, элементы языкового профиля говорящих совпадают (один территориальный славянский диалект в основе, отсутствие систематического доступа к близкородственным

славянским стандартным языкам, один территориальный албанский диалект). Из параметров совпадают место проживания (село; ЭМ живет в нем всю жизнь, ИК долгое время работал на заводе в Корче, но продолжал жить в Бобоштице), и единственный различающийся параметр — это степень владения славянским диалектом.

Значительные различия между языковыми структурами, используемыми говорящими на одном славянском диалекте Албании, показывают, что необходимо учитывать ряд факторов, обычно являющихся предметом исследования социолингвистики, но не диалектологии (языковая аттриция, особенности контакта со структурно различным языком). Хотя территориальные диалекты служат основой для объединения говорящих в речевые сообщества [Morgan 2014], для описания языковой ситуации в этих сообществах следует обращаться к языковым фенотипам говорящих, которые могут быть классифицированы иным образом, не обязательно с привязкой к диалектам. Предполагается, что ряд говорящих из разных славянских речевых сообществ Албании можно было бы объединить в группы, не привязанные к отдельным сообществам, на основе реализации тех или иных признаков, обусловленных языковой аттрицией, контактом с албанским языком и с иными славянскими диалектами. В частности, ожидается, что и у других говорящих, не освоивших в совершенстве славянский диалект («полуговорящие», или *semi-speakers*, по определению Н. Дориан, [Dorian 2014/1977]), будут наблюдаться схожие процессы (например, падение вида и употребление имперфекта в сфере действия *da*). Границы этих процессов (в частности, манифестируются ли они в речи одноязычных говорящих на славянских диалектах Албании) предполагается определить в дальнейшей работе по изучению и описанию многообразия славянской речи Албании.

Литература

- ADGjSH 2007 — Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. V. I. Tirana–Napoli: Instituti i gjuhësisë dhe letërsisë, Akademia e shencave e Shqipërisë; Università degli studi di Napoli l'orientale, 2007.
- Barjaktarević 1966 — *Barjaktarević D.* Novopazarsko-sjenički govori. (Srpski dialektološki zbornik 16). Beograd, 1966.
- Belyavski-Frank 1986 — *Belyavski-Frank M.* Constructions with DA plus the -l participle, aorist, or imperfect in Slavic // *Da, ná, sã, tẽ: Constructions with subordinating complementizers in the Balkans* / Ed. by H. I. Aronson. Columbus, 1986. (Folia Slavica 7.3)
- Buchholz, Fiedler 1987 — *Buchholz O., Fiedler W.* Albanische Grammatik. Leipzig, 1987.
- Dorian 2014/1977 — *Dorian N.* The problem of the semi-speaker in language death // *Dorian N.* Small-language fates and prospects: lessons of persis-

- tence and change from endangered languages: collected essays. Leiden, 2014. C. 137–145. (Brill's Studies in Language, Cognition and Culture; 6.) (Репринт из The problem of the semi-speaker in language death // International Journal of the Sociology of Language 12. 1977. C. 23–32.)
- Friedman 1986 — *Friedman V.* Balkan Romani modality and other Balkan languages // *Da, ná, sá, tē, te: Constructions with subordinating complementizers in the Balkans* / Ed. by H. I. Aronson. Columbus, 1986. (Folia Slavica 7.3.)
- Gramatika 2002 — Gramatika e gjuhës shqipe. V. I. Morfologjija. / Domi M. (kryered.). Tiranë, 2002.
- Hada 2015 — *Hada J.* Mbrojtja e minoriteteve dhe trajtimi i tyre në Republikën e Shqipërisë. Tiranë, 2015.
- Korhonen, Makartsev, Petruševska & Spasov 2016 — *Korhonen J., Makartsev M., Petruševska M. & Spasov Lj.* Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status // In search of the center and periphery — linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans / Ed. by Maxim Makartsev & Max Wahlström. Helsinki, 2016. P. 13–50. (Slavica Helsinkiensia 49.)
- Koroloff 2015 — *Koroloff L.* Drenoveni: The life and demise of a Macedonian village. Toronto, 2015.
- Kramer 1986 — *Kramer Ch. E.* Analytic modality in Macedonian. München; Berlin; Washington, 1986. (Slavistische Beiträge. Bd. 198.)
- Makartsev (in print)¹ — *Makartsev M.* Linguistic identity of two Slavic speaking (sub)urban groups in Albania: Fier and Elbasan // Slověne. International journal of Slavic studies (in print).
- Makartsev (in print)² — *Makartsev M.* On clausal complementation in two Slavic varieties in Albania // Clausal complementation in South Slavic / B. Wiemer, B. Sonnenhauser (eds.) (Trends in Linguistics. Studies and Monographs).
- Mazon 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d'études Balkaniques — V.)
- Mazon, Bajrova 1965 — *Mazon A., Filipova-Bajrova M.* Documents slaves de l'Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d'études Balkaniques — VIII.)
- Morgan 2014 — *Morgan M.* Speech Communities. New York, 2014. (Key topics in linguistic anthropology.)
- Raporti 2014 — Raport vjetor për veprimtarinë e Avokatit të Popullit. 1 Janar — 31 Dhjetor, Viti 2014. Tiranë, 2015. <http://www.avokatipopullit.gov.al/sites/default/files/ctools/RAPORTI%202014.pdf> (20 September 2016).
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 1. Teil. Prespa — Vërnik — Boboshtica. München, 2007.
- Steinke, Ylli 2008 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 2. Teil. Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm. München, 2008.
- Steinke, Ylli 2012 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 3. Teil. Gora. München, 2012.
- Steinke, Ylli 2013 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). 4. Teil. Vraka — Borakaj. München, 2013.
- Tofoska 2015 — *Tofoska S.-S.* Independent directive (a) *da*-constructions with the imperfect tense in the Macedonian language // Rocznik Slawistyczny. T. LXIV. 2015. S. 141–157.

- Видоески 1998 — *Видоески В.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 1. Скопје, 1998.
- Геговски 2015 — *Геговски Д.* Околу субјунктивните комплементарни реченици во дијалектите на македонскиот јазик // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Скопје, 2015 (Морфосинтаксички студии III.) С. 93–106.
- Георгиевски 2009 — *Георгиевски Г.* *Да*-реченицата во македонскиот јазик. Скопје, 2009. (Посебни изданија — кн. 61).
- Конески 1957 — *Конески Бл.* Материјали за преспанскиот говор од збирката на С. Н. Томик // Македонски јазик. VIII. 1957. С. 173–219.
- Бужаровска, Митковска 2015 — *Бужаровска Е., Митковска Л.* Негираните независни *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции. Скопје, 2015. С. 22–58.
- Макарцев 2013 — *Макарцев М. М.* Инновации в глагольной системе славянского говора Бобоштицы (обл. Корчи, Албания) // Славянское языкознание. XV международный съезд славистов, Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М., 2013. С. 512–534.
- Макарцев 2017 — *Макарцев М. М.* Идентичность и власть, перформанс и практика в полевом исследовании. К изучению балканославянских идиомов в неславянском окружении // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: Этнокультурная и этноязыковая ситуация: Языковой менеджмент: Языковая политика. Книга III. Г. П. Нецименко (ред.). М., 2017. С. 261–294.
- Макарцев: Опросник 2016 — Опросник по комплементации в славянских диалектах Албании. Рукопись.
- МДАБЯ 1997 — Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа / Сытов А. П. (отв. ред.), Соболев А. Н., Вороница И. И., Лопашов Ю. А., Русаков А. Ю. (ред.). СПб., 1997.
- Номати 2015 — *М. Номати.* О начале новой «дезинтеграции» и «интеграции» сербохорватского языка: этнолект горанцев и их идентичность в социолингвистическом освещении // Балканский тезаурус: Начало / М. М. Макарцев, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). М., 2015. (Балканские чтения 13. Тезисы и материалы.) С. 125–127.
- ПМА — Полевые материалы автора.
- Соболев, Новик 2013 — *Соболев А. Н., Новик А. А.* (eds). Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010. СПб.; München, 2013. (Materialen zum Südosteuropasprachatlas / Hrsgb. von H. Schaller und A. Sobolev. Band 6.)